18+

Изя Вайснегер

ЗЯМА ВАНЬ ЦЯНЬ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Изя Вайснегер

Зяма Вань Цянь. Исторические хроники

«Издательские решения»

Вайснегер И.

Зяма Вань Цянь. Исторические хроники / И. Вайснегер — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Зяма Вань Цянь. Исторические хроники» — цикл сатирических псевдоисторических хроник с элементами философского гротеска и пародии на научную историографию. Вымышленный историк исследует несуществующие государства, народы и цивилизации, где нелепое завещание создаёт империю, мыльный пузырь становится историческим событием, а человеческая глупость — государственной идеологией.
За абсурдом вымышленных эпох проступают узнаваемые механизмы современной политики и общественной жизни.Книга содержит нецензурную брань.

© Вайснегер И.
© Издательские решения

Содержание

Великий пузырь 7
Садовод 14
История про яйца 17
Летопись о банановой демократии 18
Предисловие к Кацюбеевскому университету 24
Хроники Кацюбеевского университета 25
Македонский 28
Вадик 30
Юрась 31
Идеальный актив 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Зяма Вань Цянь. Исторические хроники

Изя Вайснегер

© Изя Вайснегер, 2026

ISBN 978-5-0071-6733-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зяма Ван Цянь: Исторические записки эпохи насвистывающего сурка

Предисловие к корпусу хроник Зямы Ваня

Об авторе сего труда — *Зяме Вань Цяне (в миру Залман Гиршевич фон Болтеншлагер) известного миру как* историк, собиратель древностей и абсурдов, знаменитый исследователь того, чего никогда не было и предвидения того, чего не предвидится, а также основоположника учения о забивании как пути к свободе и демократии, мы знаем не так много.

Ещё меньше мы знаем о предках Зямы Ваня. Сведений о них сохранилось крайне мало, и все они друг другу противоречат. Согласно Геродоту, происходил он из древнего финикийского рода, который был славен своими ганнибалами и аннибалами.

Полибий же сообщает, что предки Зямы Ваня были первосвященниками Иерусалимского храма, но, обвинённые в коррупции и домогательствах, бежали в Гондурас. В свою очередь Аль-Масуди утверждает, что предки Зямы был чистокровными арабами из Йемена. А вот поздние византийские хроники связывают его родословную с римскими императорами, в то время как «Повесть временных лет» и более поздние источники — с Чингисханом. В дальнейшем некоторые историки утверждали, что Зяма Вань происходит из корейских собирателей лука. Антисемиты же настаивали на том, что Зяма Вань — потомок раввина из Бендер.

О жизни самого Зямы Вань Цяня известно, что родился он в Одессе, но никогда не был ни в Китае, ни в США, ни в Гондурасе. Тем не менее обладал он обширными познаниями в географии и краеведении, что и позволило ему занять подобающее место в литературе.

Над своим главным трудом он работал много лет и десятилетий, посвятив ему практически всю свою научную жизнь.

Особенность Зямы Вань Цяня заключается в том, что на всех языках — будь то идиш, китайский или какой-либо другой, включая ныне забытые, — его имя звучит совершенно одинаково и, что особенно важно, одинаково понятно.

Кроме того, Зяма Вань Цянь является основоположником особой исторической традиции, согласно которой будущее и прошлое рассматриваются как настоящее. Благодаря этому законы истории и жизни приобретают неделимый и универсальный характер, а различия между тем, что уже произошло, и тем, что ещё только должно произойти, становятся чисто условными.

Одновременно Зяма Ван Цянь развил учение о забивании жизненных свай, привнеся в эту древнюю философию мысль о том, что свобода и счастье человека напрямую зависят от того, насколько искренне он забивает сваи на всё, что мешает ему быть свободным, а значит, счастливым.

«Забивасвай», по учению Зямы Вань Цяня, не следует понимать как простое безразличие или отказ от деятельности. Это сложная философская система, предполагающая освобождение человека от излишних желаний, ненужных забот, чужих мнений и прочих обстоятельств, без которых человечество, как показывает история, вполне может обойтись.

Именно этот метод позволил подвижнику обнаружить в древних источниках множество явлений, которые, как выяснилось, получили широкое распространение лишь значительно позднее.

Впрочем, сам Зяма Вань Цянь относился к подобным открытиям с присущей ему скромностью и неоднократно подчёркивал, что ничего нового не открывает, а лишь внимательно читает то, что уже было написано.

Правда, иногда — за несколько веков до того, как это произошло.

Источниками настоящего труда Зямы Вань Цаня послужили древние исторические материалы: утраченные и ненаписанные летописи, воспоминания очевидцев и артефакты, о которых не принято говорить.

Именно поэтому исторические записки Зямы Ваня занимают особое место в наших представлениях о мире и вообще.

Я же здесь выступил в роли ответственного редактора, собрав воедино все исторические труды выдающегося подвижника, с которым был связан узами дружбы и духовными канонами учения забеизма ещё со студенческой скамьи Новороссийского университета, который, хотя давно уже носит совершенно другое имя, но по-прежнему хранит на своей крыше граффити, созданное лично Зямой Вань Цянем: «Да здравствует Пофигизм — философское учение студентов мехмата!»

Жизнь поколения, к которому мы принадлежали и продолжаем пока ещё принадлежать, прошла на закате позднего советизма и новой эпохи, которую Зяма Вань определял как эпоху постгрызунов.

После долгих споров и дебатов, для благозвучия и дабы никого не обидеть, мы решили назвать её эпохой насвистывающего сурка.

Впрочем, читатель и сам во всём разберётся, если у него есть мозги и ему не жаль времени на чтение.

Искренне ваш,
Изя Вайснегер,
Ответственный редактор исторических записок Зямы Ваня.

Великий пузырь

При какой именно китайской династии произошло это знаменательное событие, историки так и не пришли к однозначному выводу.

Одни полагают, что при Суй. Другие, более осторожные, относят его к Цин. Третьи утверждают, что между Суй и Цин было столько династий, междоусобиц, переворотов, императоров, узурпаторов и прочих любителей исторической славы, что устанавливать точную дату вообще не имеет никакого смысла и ссылаются при этом на царя Соломона.

Оставим всех этих любителей исторических склок. Однако замечу, что лично я склоняюсь к мнению третьих.

Дело происходило обычным летним днём. В тот день дети одного из городов Поднебесной, как и положено детям, соревновались друг с другом в выдувании мыльных пузырей. Забава была самая обыкновенная: кто выдует больше, кто красивее, а кто случайно проглотит мыльный раствор и после этого будет долго доказывать, что так и было задумано.

Но в тот день произошло нечто необычное.

Среди множества пузырей — огромных и крошечных, прозрачных и переливающихся всеми цветами Поднебесной, лопавшихся сразу или спустя некоторое время, один вдруг вознёсся выше всех.

Он пролетел над куполом храма, миновал пагоду, поднялся над крышами домов и вскоре сравнялся с крышей самого высокого здания города.

В ту минуту, как свидетельствует древний летописец, жизнь замерла не только в городе, но, вероятно, и во всей Поднебесной.

Народы всех сословий, а также лица, происхождения и вероисповедания которых летописец не счёл нужным уточнять, подняли головы и с открытыми ртами наблюдали загадочное парение.

Сановники забыли о государственных делах, крестьяне — о налогах. Даже купцы забыли о прибыли. Про учёных же мужей и говорить нечего — те, как увидели пузырь, так сразу все дружно забыли о том, что они учёные мужи.

И даже император на некоторое время отложил решение вопроса о том, кому именно из его многочисленных врагов и родственников следует отрубить голову первому.

А потом пузырь исчез. Он не лопнул, как все его собратья, а просто исчез.

Это обстоятельство особенно заинтересовало придворных учёных, поскольку всё, что исчезает без объяснения, они с древнейших времён считали явлением чрезвычайно важным.

Через некоторое время о пузыре забыли.

Но затем он снова появился. На этот раз — над городской управой. Позднее его видели возле дворца губернатора.

Некоторые утверждали, что, пролетая мимо губернатора, пузырь даже весело ему подмигнул.

Правда, другие свидетели утверждали, что пузырь вообще не имел глаз. Третьи же утверждали, что глаза у него были, но очень маленькие. Четвёртые сообщили, что губернатор сам подмигнул пузырю.

Последнее сообщение было признано властями наиболее достоверным, а значит, и чреватым. По этой причине, история с подмигиванием была строжайше засекречена.

Вскоре пузырь появился над зданием правительства.

После этого он то исчезал, то появлялся вновь, и вскоре явление стало настолько таинственным, что пузырю начали приписывать связь со всеми более или менее судьбоносными событиями.

Если случалась война, говорили, что это из-за пузыря. Если происходило землетрясение — тут же вспоминали пузырь. Если начинался голод, наводнение или цунами, все были абсолютно уверены, что без пузыря дело никак обойтись не могло.

Ну а если падали цены на шёлк, никто не сомневался, что их опустил пузырь. Правда, не могли понять, зачем он это сделал.

Другое дело, если росли цены на рис, В этой ситуации все объясняли друг другу, зачем пузырь это сделал, но в то же время, никто не мог объяснить как. Когда же однажды рухнул финансовый рынок, придворный астролог немедленно заявил:

— Я предупреждал!

Правда, до этого он предупреждал о нашествии саранчи.

Особенно упорные слухи утверждали, что мыльные пузыри вообще были изобретены масонами, а этот конкретный пузырь является у них кем-то вроде главаря.

И хотя доказать это не удалось, но зато в этом никто не сомневался.

И вот однажды, появившись над городом, как всегда неожиданно и преисполненный собственного величия, пузырь вдруг заговорил.

Голос его донёсся с высоты небес.

Народ замер. Учёные мужи приготовили кисти, летописцы развернули свитки, а сановники сделали вид, что давно ожидали именно этого.

Я же, по своему обыкновению, стал внимательно наблюдать.

В тот день происходило следующее:

— Что уставились? — с вызовом спросил он. — Быть мыльным пузырём совсем не просто.

После этого он выдержал долгую паузу. Очевидно, для усиления впечатления.

— Не каждому это под силу. Далеко не каждому.

Он снова сделал паузу, после чего продолжил:

— Да и не всякий захочет. Ведь мыльный пузырь чрезвычайно уязвим. Он может лопнуть от любой мелочи, любой случайности и даже нелепости.

Учёные мужи согласно закивали.

— Поэтому, чтобы выжить, мыльному пузырю необходимо быть чрезвычайно гибким. Нужно уметь принимать самые разные формы, обходить острые углы, стремиться как можно выше, но при этом не заноситься слишком высоко, дабы тебя не пронзили солнечные лучи.

Тут один мудрец записал: «Следует стремиться к высоте, но опасаться солнца».

Пузырь, между тем, продолжал:

— Только дураки воображают, что мыльный пузырь состоит исключительно из воздуха и тончайшей оболочки!

При этих словах несколько философов даже встали.

— На самом деле нашему брату необходимо обладать всеми перечисленными и ещё множеством других качеств, чтобы не лопнуть и прожить долгую жизнь.

Пузырь замолчал и как-будто задумался.

— Мои ровесники и те, кто родились после меня, не говоря уже о моих предшественниках, давно либо сдулись, либо лопнули.

Он тяжело вздохнул.

— А ведь многие из них начинали свою жизнь так ярко, так красочно! За их грациозными перемещениями в воздухе следили тысячи восхищённых глаз. Они переливались всеми цветами подлунного мира, и каждый из этих выскочек мнил себя венцом творения.

Пузырь снова помолчал.

— Но жили они совсем недолго. И лопались как будто ни от чего.

Тут он стал говорить тише:

— А на меня при рождении никто не обратил внимания.

Народ слушал.

— Может, во всём виновата генетика. Или ещё какие-нибудь причины, о которых ваши учёные мужи пока не знают. Но я не переливался на солнце. Я вообще родился совершенно бесцветным.

Пауза.

— И вместо воздуха был начинён всякими мыслями и комплексами.

Тут один придворный философ спросил:

— Какими именно комплексами?

Но пузырь не ответил.

— Комплексы, прежде всего комплекс собственной неполноценности, тянули меня вниз. Зато великие мысли, подобно крыльям, позволили мне воспарить до самых небес.

Он посмотрел вниз.

— Почти.

Сказав это, пузырь явно остался доволен собой.

— Никто не стал меня ловить, посчитав совершенно бесцветным, да ещё и непонятно чем набитым.

Здесь один летописец сделал замечание, что подобное отношение к человеку со стороны общества было бы крайне прискорбным.

Пузырь, между тем, продолжал:

— Поэтому мне дали спокойно подняться на крышу самого высокого дома, откуда я категорически отказался спускаться.

И после некоторого размышления добавил:

— Крыша — идеальное место в жизни. С одной стороны, отсюда ближе к Небу, а с другой — тебе открывается вся суть жизни внизу.

Последнюю фразу придворные философы потом разбирали триста лет.

Одни утверждали, что речь идёт о возвышении духа. Другие — о социальной дистанции. Третьи — о том, что пузырь просто не хотел спускаться.

Лично мне кажется, что правы были третьи.

После этого пузырь заговорил о родственниках.

— Родственники и коллеги всегда считали меня ничтожеством. Особенно желчный и мочевой пузыри.

При этих словах народ несколько смутился.

— Как же, они такие занятые и важные! Без них, ну никак! Особенно злобствовал желчный.

Пузырь передразнил его:

— «Делом займись!» — постоянно повторял он мне.

Пузырь сделал паузу.

— Но кончилось тем, что его удалили.

Народ ахнул, а пузырь продолжал как ни в чём ни бывало.

— Как рано или поздно удаляют всех, кто слишком злобен и ворчлив.

Тут пузырь, несколько смутившись, добавил:

— По правде говоря, он захлебнулся собственной жёлчью.

Один из присутствовавших здесь же врачей немедленно записал это в медицинский трактат. Другой — в сборник притч. Третий решил, что это метафора.

— Мочевому пузырю я мог бы возразить: «Да кто ты такой вообще?!»

Пузырь замолчал.

— Но не стал.

Он вздохнул.

— Жизнь у старика совсем не сахар. Одна моча.

При этих словах несколько сановников покинули площадь.

Пузырь же продолжал:

— То ли дело я. Может, пользы от меня и не так много — на мне никуда не улетишь. Разве что, провожая меня взором или мысленно в небесные дали, провожающим придут в голову умные мысли.

Он задумался.

— Хотя не факт.

После чего добавил:

— Зато я никому не делаю зла.

Это заявление было встречено бурными аплодисментами.

— И вообще, это ведь люди решили, что весь мир создан из яйца.

Здесь летописец делает оговорку, что некоторые народы действительно придерживались подобных представлений, хотя сам летописец в этом сильно сомневается.

Пузырь продолжал:

— Оно так и есть. Но прообразом послужили мы — бестелесные и вроде даже бесполезные.

Он поднялся ещё немного.

— Вообще мир начинался с того, что Творец от скуки выдувал пузыри из вселенской пены.

Народ замер.

— Выдувал, выдувал, пока это занятие не навело его на мысль из ничего создать всё.

Пузырь сделал паузу.

— Точнее, ничего сделать его противоположностью.

Эта фраза впоследствии была объявлена одним из высших достижений придворной метафизики.

Сам пузырь, однако, к китайской метафизике никакого отношения не имел и, насколько мне известно, вообще никогда её не читал.

— Иногда я ощущаю нечто общее со змеёй или крокодилом. Они ведь такие же древние.

Он явно гордился этим родством.

— Мне, однако, повезло гораздо больше. Из моей оболочки никому в голову не придёт сделать ремень, сумку или какое-нибудь украшение.

Пузырь помолчал немного, как-будто собираясь с мыслями, и продолжал:

— Хотя, как знать.

После этого он заговорил почти философским тоном:

— Вообще мы, как и люди, состоим, кроме воздуха, из мыслей и эмоций. И так же, как они, живём очень мало. А вдобавок ко всему — ещё и внезапно смертны.

— Что толку от этих мыслей? Как будто они продлят мне жизнь.

В этот момент где-то в городе лопнул воздушный шарик.

Пузырь вздрогнул.

— Это всегда шок и трагедия.

Он оглядел небеса.

— Но я пока жив.

Затем, словно вспомнив нечто чрезвычайно важное, добавил:

— А про масонов — не верьте!

Это были последние слова мыльного пузыря.

Закончив свою речь, он вдруг, без всякого перехода, лопнул.

Народ долго молчал. Учёные мужи, не обращая внимания на это трагическое происшествие, всё тщательно записывали, а философы — спорили.

Сановники, между тем, обсуждали, не является ли случившееся дурным предзнаменованием для династии.

Астролог объявил, что всё именно так, как он и предсказывал.

Что касается меня, то я был совершенно спокоен, потому что всё успел понять. А если понимаешь, записывать уже не обязательно и даже вредно, потому что писанное и сказанное обязательно всё исказят или, того хуже, извратят.

И если последующие историки скажут, что подобного события никогда не происходило, пусть сначала докажут, что я его выдумал.

Как начиналась Великая империя Сунь Хунь

В древние времена, когда эта страна ещё не была великой, а была просто большой и довольно запущенной глубинкой, жил в одном из её отдалённых уездов некий человек по имени Сунь Хунь.

Жил он на пособие от правителя этой страны — Сына Небес, но при этом считал себя политиком и общественным деятелем. Бывало, предложат ему соседи поработать у них на полях, чтобы заработать себе на лишнюю чашку риса.

Но Сунь Хунь всегда отказывался, говоря, как мыслитель и политик, я на это пойти не могу!

После этого никто с ним больше не спорил и он продолжал получать свою чашку риса, хотя кроме него самого, мыслителем и политиком никто его не считал.

Из-за последнего обстоятельства Сунь Хунь сильно переживал, пил горькое вино, болел, а потом, как это иногда бывает с людьми, которые слишком много думают о своей общественной значимости, умер.

Но перед смертью но успел составить завещание и направить его Сыну Неба, правительству, великому хуралу и Совету мудрецов.

В завещании было написано буквально следующее:

«Когда умру, кремируйте мои останки, а пепел развейте над океаном».

И тут следует отметить одну маленькую подробность.

Страна, в которой жил Сунь Хунь, не имела выхода не только к океану, но даже к морю.

Более того, ближайший приличный водоём находился от неё на таком количестве ли, что туда можно было дойти пешком, но на обратный путь уже никто бы не согласился.

Ибо страна эта располагалась вообще где-то на копчике у чёрта — между двумя горами, тремя пустынями и четырьмя местами, где было совершенно нечего делать.

Может быть, именно поэтому завещание Сунь Хуня произвело в стране столь сильное потрясение.

Сын Неба, узнав о завещании, немедленно созвал чрезвычайное собрание представителей всех сословий.

Правительство собралось на экстренное заседание. Совет мудрецов — на внеочередное.

А министры ещё отдельно собрались в коридоре, чтобы выяснить, кто первый додумался до этой проблемы.

К вечеру все три ветви власти пришли к единодушному решению: последнюю волю великого Сунь Хуня исполнить во что бы то ни стало.

И вот тут началось такое, чего до этого не бывало даже в Поднебесной.

У покойного вдруг обнаружилась многочисленная родня. Потом появились друзья. После них — товарищи. Потом ученики, а за учениками — последователи.

А затем нашлись люди, которые утверждали, что ещё при жизни Сунь Хуня лично беседовали с ним о судьбах человечества.

Причём некоторые были готовы поклясться, что беседовали с ним неоднократно.

Общественные деятели заговорили о великом вкладе покойного в развитие государства. Историки начали изучать его наследие, а философы обнаружили в завещании покойного глубокий политический смысл.

Совет мудрецов постановил установить в столице памятник Сунь Хуню, а служители культа на своём соборе решили без промедления начать возводить ему храмы по всей стране.

Правда, никто толком не мог объяснить, чем покойный был велик.

Впрочем, это уже никого не интересовало, потому что всем хотелось попасть на океан.

Правительственным чиновникам нужно разумеется, в силу государственных обязанностей. Жёнам чиновников — исключительно из чувства супружеской верности. Детям чиновников — для расширения кругозора. А родственникам, друзьям и последователям покойного — потому что, как они объясняли, это была последняя воля великого человека, а значит, их моральный долг присутствовать при её исполнении лично.

Но возник вопрос: где взять столько небесных колесниц?

Одних чиновников с семьями набралось столько, что для их перевозки потребовался бы отдельный воздушный флот.

А ведь ещё оставались родственники, друзья, ученики, последователи и те, кто просто вовремя оказались рядом.

В народе начали говорить о несправедливости. Потом — о произволе.

Наконец — о переменах.

В воздухе запахло революцией. Причём запахло так сильно, что даже императорские советники начали оглядываться по сторонам.

Тогда один старый мудрец сказал: — Давайте тянуть жребий.

Все согласились.

Однако оказалось, что желающих попасть на океан всё равно гораздо больше, чем счастливых бумажек.

Тогда самые решительные отправились пешком.

Шли они через горы и пустыни, переходили реки и болота, ночевали под открытым небом. Дойдя до первого более-менее приличного водоёма, они начали строить плоты. Другие мастерили пироги.

Третьи сооружали лодки.

А один особенно предприимчивый последователь Сунь Хуня объявил, что отправится к океану на надувном матрасе.

Мудрецы пытались объяснить ему, что ближайший океан находится оттуда в нескольких тысячах ли.

Он ответил:

— Великий человек завещал. А вы хотите, чтобы я спорил с покойным?

И поплыл.

Короче говоря, такого ещё нигде не видели.

Люди шли к океану со всех концов страны.

Одни — чтобы исполнить последнюю волю Сунь Хуня.

Другие — чтобы не упустить возможность бесплатно попасть на океан.

Третьи — потому что все уже шли и было неудобно оставаться дома.

А четвёртые вообще не знали, кто такой Сунь Хунь, но решили, что если государство так настойчиво предлагает им океан, значит, там что-то есть.

День развеивания праха Сунь Хуня стал величайшим государственным праздником.

По всей стране били барабаны, воздвигались помосты, произносились речи и писались стихи.

Особенно прочувствованной была речь одного раввина, который сравнил Сунь Хуня с Моисеем.

А у самого океана собралось столько народа, что некоторые местные жители впервые в жизни поняли, что такое перенаселение.

Когда урна с прахом великого Сунь Хуня появилась над океаном, Сын Неба лично произнёс речь:

— Он открыл нам океан!

И в этот момент многие плакали. Особенно те, кто до этого никогда океана не видели.

А один из придворных мудрецов тихо сказал:

— Хороший человек был Сунь Хунь. Все считали его чудаком, а некоторые — и того хуже. Но он столько народу к океану вывел!

После этого Совет мудрецов собрался ещё раз и постановил: отныне день развеивания праха Сунь Хуня над океаном считать Днём основания Великой империи, которой нет и никогда не было на географических картах. Только в анналах истории.

Так, согласно древней летописи, началась Великая империя Сунь Хуюнь.

И с тех пор каждый раз, когда в Поднебесной кому-нибудь хотелось получить государственную должность, построить памятник или съездить бесплатно к океану, мудрецы говорили:

— Не спеши, дорогой. Подожди, пока кто-нибудь умрёт и оставит правильное завещание. Ибо именно так, как известно из истории, возникают великие империи.

Садовод

Примечание составителей и ответственного редактора: Символ прежних времён Зяма Вань видел в садоводе — неприметном с виду человеке, которого будущий историк и подвижник помнил ещё с детства. Вот как он описывает Садовода и то, что с ним связано.

В позднесоветскую эпоху жил один чудак. К тому времени он был уже пенсионером, а до этого много лет проработал в научно-исследовательском институте. Это был добрейшей души человек, одержимый одной странной идеей: превратить сорняки в благородные садовые растения.

Где бы он ни бывал, всюду собирал какие-нибудь репейники, лебеду, осот или чертополох и высаживал их в нашем общем палисаднике.

Каждое утро этот чудак колдовал над своими питомцами: поливал их, подкармливал какими-то особыми удобрениями, опрыскивал от вредителей, подрезал листья, рыхлил землю, разговаривал с ними так, словно они всё понимали.

Но сколько он ни старался, сорняки так и не стали благородными растениями.

Более того, они оказались на редкость живучими и агрессивными. Сначала заполонили весь палисадник, потом начали теснить малину, смородину и крыжовник, а вскоре добрались и до молодых деревьев.

Тут уж соседи не выдержали.

В одно воскресное утро весь двор поднялся будто по тревоге. Разъярённые тётки, их мужья и несколько пенсионеров, вооружившись тяпками, лопатами и перчатками, ринулись в сад и дружно принялись выпалывать сорняки.

— Что вы делаете?! — в отчаянии закричал садовод.

— Это ты что наделал? — отвечали ему женщины. — Хочешь весь сад погубить? Совсем с ума сошёл!

— Я не сумасшедший. Бог создал человека для того, чтобы он облагораживал мир, а не уничтожал его.

Одна из соседок выпрямилась, опёрлась на тяпку и сказала:

— Заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибёт. Из чертополоха никогда не вырастут ни смородина, ни крыжовник. Это даже дети знают.

— Но любовь творит чудеса! — убеждённо ответил садовод.

Отставной полковник, председатель домового комитета, подвёл итог спору:

— Выращивай свои сорняки у себя дома. Хватит ставить опыты над нашим садом.

— Увидете! Вы ещё увидете! — горячо воскликнул садовод.

Он собрал выполотые растения и унёс их к себе.

Казалось, победа осталась за соседями.

Но прошло меньше двух недель, и сорняки снова полезли из земли, словно никуда и не исчезали.

Их выпалывали снова. Они вырастали снова. Так продолжалось много лет.

И вот однажды садовод выбежал во двор совершенно счастливый.

— Зацвели! Мои сорняки зацвели! Идите скорее! Такого вы ещё не видели!

Из любопытства несколько соседей поднялись к нему.

На подоконниках, на балконе, в ящиках и горшках росли всё те же самые сорняки.

Никаких цветов они не увидели.

Соседи переглянулись.

А с хозяином происходило что-то странное.

Он переводил взгляд с растений на соседей, потом посмотрел по сторонам так, словно впервые видел собственную квартиру, побледнел и медленно начал оседать на пол.

Вызвали скорую помощь.

Когда его уже уносили, он с трудом открыл глаза и едва слышно прошептал:

— У меня в шкафу… бутылочки с удобрениями… Вы не забудьте… Жалко растения…

Это были его последние слова. Вскоре он умер в реанимации.

Соседи ещё долго воевали с сорняками. Некоторые — до самой своей смерти.

А потом во двор пришли новые времена.

Появились новые жильцы. Вместе с ними двор заполнили дорогие автомобили. Машин становилось всё больше, и однажды на общем собрании решили: сад убрать, а на его месте сделать стоянку.

Через два дня деревья спилили, кусты выкорчевали, а землю закатали в бетон.

Так исчез и сад.

Историю с сорняками я, на всякий случай, записал. Может быть, когда-нибудь она ещё пригодится.

История про яйца

Эту историю Зяма Вань выделял особо, как свидетельство надвигающегося кризиса системы.

А сама история такова:

В одной очень древней стране вдруг разом исчезли все яйца. Просто, вот так вот, ни у кого не осталось яиц. Даже в правительстве ни у кого не осталось яиц. И только у группы отважных женщин этой страны, яйца были.

Женщины хотели поделиться яйцами прежде всего с главой правительства — ведь ему нужнее всех. Но когда женщины принесли премьеру то, чего ему так не хватало, тот вдруг стал визжать фальцетом, чем выдал себя ещё больше. Вместе с премьером заголосило всё правительство, национальное собрание и даже высшие полицейские чины. И вместо того, чтобы поблагодарить женщин, их, полицейские чины, стали хватать, угрожать, тащить в участок. Таким образом, премьер и его охрана хотели показать всему миру, что у них всё есть, включая яйца, но…. им всё равно никто не верил.

А тут ещё вот какая нехорошая история приключилась с премьером: его солнцезащитная кепка вдруг превратилась в красную феску. И как он эту феску не поворачивал и не выворачивал, снова солнцезащитной кепкой или хотя бы просто шапочкой, она не становилась. А без кепки — куда пойдешь? Пришлось премьеру выступать перед журналистами и перед народом стоя на голове. Но, во-первых, сколько так простоишь? А во-вторых, пока премьер так стоял и речь держал, все почему-то решили, что у него ничего нет. Вообще. Хорошо, что в это время началась мода на бараньи мозги и все забыли про яйца.

Однако тут новая беда приключилась: что-то неладное стало твориться с шапочками для бассейна. Причем только с шапочками лучших людей из действующей власти. Ныряет в воду человек в обычной шапочке, а выплывает уже в чем-то непонятном, похожем на контрацептив. И это непонятное от головы уже не отодрать. Так и ходят весь день по коридорам власти.

Естественно, журналисты стали эти инциденты расследовать, осадили офис премьера и как только он показался, стали засыпать его вопросами: Где яйца? Яйца, где?! Что вы можете сказать по поводу шапочек? Кто во всём виноват?

— Шерше ля фам! — возопил премьер. — Это всё они, они — женщины! И… убежал.

Толпа ринулась за ним. То ли искать яйца, то ли получать подтверждения, то ли спасать… Наши журналисты следят за дальнейшим развитием событий в коридорах власти и в нехорошей квартире

Летопись о банановой демократии

Из хроник Переходного периода Зямы Ваня

В эру Просвещения и Всеобщего Блага, когда в Великой империи каждый человек был свободен настолько, насколько это позволял государственный устав, жил учёный муж чином доцент.

Человек он был скромный, тихий и принципиальный.

Но была у него одна странность, которую летописцы долго не могли объяснить.

Уж очень любил он куриные яйца. Не сказать, чтобы требовал многого.

Ему не нужны были ни дворцы, ни драгоценные камни, ни личная колесница.

Дай ему утром два яйца — и человек счастлив.

Но утром доценту было некогда ходить по магазинам, а вечером яйца уже заканчивались.

Куриные, голубиные, страусиные — все.

Видимо, не один доцент любил яйца, а весь народ Великой империи.

Только народ оказался проворнее. Он приходил в магазины раньше.

Поэтому яйца доставались народу, а доценту — ничего.

Так продолжалось много лет.

И постепенно в душе тихого и скромного учёного мужа зародилась страшная мысль: во всём виноват тоталитаризм. Почему именно тоталитаризм — доцент объяснить не мог.

Но учёный человек всегда найдёт объяснение.

А выяснять отношения с тоталитарным режимом было себе дороже.

Поэтому доцент молча ходил на работу, читал лекции и делал вид, что ему и без яиц хорошо.

Коллеги и студенты жалели его.

Вид у него был весьма плачевный. Без витамина D, содержащегося в яичных желтках, и прочих полезных веществ доцент совсем исхудал и стал выглядеть так, будто его только что выпустили из концлагеря.

Некоторые говорили, что он похож на человека, который отсидел свои положенные двадцать пять лет по пятьдесят восьмой статье и только вчера «откинулся».

Сам доцент на это не обижался. Он был человеком интеллигентным и потому страдал молча.

Но однажды над Великой империей повеяло ветрами перемен.

И тут исчезло всё. Сначала сигареты. Потом водка. Потом вино. Потом крем для бритья.

Мужики стали ходить злые и небритые. Многие жёны от них ушли.

А ушли они потому, что раньше от их мужей приятно пахло лосьоном после бритья.

А теперь от мужей пахло уже той самой жизнью, которую принесли с собой ветры реформ.

Вдобавок ко всему исчезли носки.

Мужчины стали ходить в рваных носках, и когда однажды у президента спросили, нельзя ли решить вопрос с носками, тот страшно возмутился:

— Свои носки я никому не отдам!

И добавил, что у него есть дела поважнее чужих носков.

Народ роптал: без водки, без сигарет, без носков, без крема для бритья.

Без понимания того, куда вообще движется государство.

Но тут произошло чудо. Великую империю буквально завалило бананами. Бананы посыпались на страну, как апельсины на Чебурашку.

Причём сыпались они не просто так, а под музыку. И музыка эта называлась **«Ламбада»**.

Народ немедленно возликовал.

Люди перестали спрашивать президента про носки. Некоторым даже стало стыдно, что они вообще когда-то интересовались такими мелочами.

Историки впоследствии установили, что именно тогда Великой империи был дан шанс пойти по совершенно иному пути.

Вполне возможно, что сегодня она была бы впереди Америки и даже Китая.

А может быть, даже впереди самой себя. Если бы не один злосчастный доцент.

Потому что у доцента была тайная страсть: бананы.

Любил он их ещё с подросткового возраста. Грезил ими, видел их во сне.

Иногда он просыпался среди ночи и, протянув руку к тумбочке, обнаруживал там только очки.

Но и тут судьба оказалась к нему безжалостна. Пока вся страна наслаждалась бананами, доценту доставалась в лучшем случае одна шкурка.

А сами бананы съедали совсем другие.

Возможно — местные студенты. Возможно — иностранные или ещё какие-то люди.

Летописец об этом судить не берётся. Он лишь свидетельствует: доцент снова остался без банана.

И тогда в нём что-то сломалось. Он снял очки. Протёр их. Надел обратно. Посмотрел на происходящее ещё раз.

И вдруг закричал: — Что же это за беспредел такой?!

Так началась Банановая революция.

Доцент достал кусок ватмана и фломастер, подаренный ему университетом за многолетнюю безупречную службу, и написал огромными буквами: ВСЕ РАВНЫ ПЕРЕД БАНАНАМИ!

Ниже приписал: ДАЁШЬ ДЕМОКРАТИЮ!

И пошёл по улицам столицы.

Сначала за ним пошёл один студент. Потом второй, третий… Потом — профессор и уборщица.

Потом человек, который вообще не знал, что происходит, но увидел толпу и решил, что, возможно, дают что-нибудь бесплатно.

Глядя на шествие, народ переставал есть бананы и присоединялся к доценту.

Скоро толпа стала огромной. У каждого был свой лозунг.

Одни требовали частной собственности на яйца. Другие — частной собственности на самолёты. Третьи требовали, чтобы государство немедленно вернуло носки.

Но всех объединяло главное: бананы должны есть все.

Независимо от национальности, расы, пола, возраста, происхождения и даже учёной степени.

Когда народ подошёл к Звёздной площади, тоталитарный режим дрогнул.

Именно в этот исторический момент из правительственного здания выбежал человек, которому суждено было стать первым президентом Великой Банановой республики.

— Одну минутку! — крикнул он. — Я мигом! Максимум пять-десять минут!

С этими словами он отлил прямо на колесо только что севшего на Звёздной площади одномоторного самолёта какого-то немца из Западной Европы, схватил главный плакат:

ДАЁШЬ БАНАНОВОЕ РАВЕНСТВО! и тут же присоединился к доценту.

Так родилась демократия.

Тоталитаристы попытались было возражать, но народ закидал их тухлыми помидорами.

Один из помидоров попал одному особо стойкому тоталитаристу прямо в голову и тот немедленно умер.

Летописец не утверждает, что именно от помидора. Но случилось это настолько своевременно, что народ воспринял происшествие как исторический знак.

После этого сопротивление прекратилось.

Новый президент торжественно вступил в президентский дворец..

Там он достал из-за пазухи заранее приготовленную заначку, разлил её между наиболее заслуженными революционерами и начал формировать новое правительство.

А потом приступил к реформам.

Первым своим указом он постановил: выкрасить здание правительства в цвет спелого банана. Вторым — начать приватизацию.

Приватизацию проводили люди, наиболее соответствовавшие цвету новой эпохи. Особенно преуспели те, у кого волосы были рыжими.

Летописец свидетельствует: имущества было много. А рыжих — достаточно.

Поэтому приватизация прошла успешно.

Не забыли и доцента. Его назначили **главным историком Банановой демократии**. В этой должности он пребывает до сих пор.

Правда, с возрастом доцент перестал различать фашистов и большевиков.

— Одни отняли у народа не только яйца, — говорил он, — но и кур, которые эти яйца несли.

— А другие лишили народ бананов!

Тут он обычно делал паузу, поправлял очки и патетически спрашивал:

— Кто хуже, я вас спрашиваю?!

Никто не отвечал.

Тогда доцент сам отвечал: — **Большевики хуже!** Потому что лишить народ бананов не додумались даже фашисты!

После чего повышал голос до фальцета:

— Без яиц ещё можно как-нибудь прожить! Но как прожить без бананов?!

На этот вопрос, как свидетельствует летопись, никто не смог ответить и по сей день.

За заслуги перед Отечеством доцента олауреатили произвели в академики и наградили золотой медалью.

Правда, медаль, несмотря на своё название, была изготовлена из обычной фольги.

Но доцент не расстроился. Он был человеком скромным.

К тому же фольга напоминала ему банановую кожуру. И это было, пожалуй, самое главное.

Так закончилась эра яиц и началась эра бананов. По версии доцента, разумеется.

А мудрецы Великой империи до сих пор спорят: что именно погубило старый порядок — тоталитаризм, отсутствие носков или любовь одного доцента к бананам?

Летописец Зяма Вань отвечает на это так: — «Историю делают не великие люди. Историю делают великие дефициты».

А если дефицит вовремя заменить бананами — можно получить даже демократию.

Кац-бей (История основания великого града Кацюбеевки)

Согласно официальной версии, Кацюбеевка была основана неким шляхтичем Кацюбой Якушинским, а позднее турки, завладевшие этой территорией, переименовали это место в Хаджибей.

И только потом здесь возникла Одесса.

Исследования современных кацюбеевских историков из Кацюбеевской академии наук и одноимённого университета свидетельствуют о том, что знаменитый Приморский бульвар существовал ещё в глубокой древности. Сегодня он стоит там, где стоял всегда. Доказательством тому является средневековая керамика, обнаруженная во дворце графа Воронцова.

Правда, критики данной теории требуют объяснений по поводу того, как эта керамика попала во дворец.

Также абсолютно точно установлено, что у Кацюбеевки был собственный порт — причём ещё шикарнее нынешнего, и что польский король Ягайло отправлял из этого порта корабли с зерном для осаждённого турками Константинополя.

Люди и всякие историки говорят разное. Но всё это неправда.

На самом деле Кацюбеевку основал Кац, прямым потомком которого является летописец Зяма Вань Цань.

Великий провидец, средневековый Кац уже тогда по достоинству оценил перспективы этого места и ещё в те времена планировал построить Потёмкинскую лестницу, Тёщин мост, Дерибасовскую и много чего другого.

Он же выступил инициатором установки памятника Дюку де Ришелье и в конце концов отдал знаменитому французу своё место.

Самому же Кацу благодарные кацюбеевцы хотели воздвигнуть памятник на том месте, где сегодня стоит бюст А. С. Пушкина. Как вы понимаете, Кац, со свойственной ему природной скромностью, отказался от памятника в пользу великого русского поэта.

Он вообще много чего задумал. Но, как это часто случается с великими людьми, не успел.

При жизни Кац успел построить только знаменитую Бродскую синагогу и Гамбринус, чтобы у людей была возможность молиться и вести интеллектуальные беседы.

Средневековые летописи свидетельствуют о том, что владельцем Гамбринуса был Ягайло, его компаньоном — Кацюба, а Кац выступал в качестве главного инвестора. В итоге предприятие было оформлено как ООО «Кац и Ко», о чём свидетельствуют записи в средневековых налоговых книгах.

Что касается Приморского бульвара, то основатель Кацюбеевки успел посадить здесь каштаны и поставить скамейки, сидя на которых кацюбеевцы обсуждали новости, делились мнениями и созерцали берега Боспора.

Именно здесь черпали своё вдохновение поэты, писатели и историки с древнейших времён. В том числе и ваш покорный слуга, историк Зяма Вань Цань — прямой потомок Каца Великого.

И, как утверждает одна из городских легенд, именно здесь родились бессмертные строки: «Никогда я не был на Боспоре», положившие начало кацюбеевскому эпосу.

Эти строки сразу приходят тебе на ум, когда, сидя на одной из скамеек Каца, смотришь на набережную…

Турки, оказавшись впервые на Приморском бульваре, который тогда назывался Прибоспорским, и увидев скамейки, поставленные Кацем, были восхищены его гением.

Кстати, в момент появления турок Кац как раз сидел на одной из скамеек и то ли созерцал вечность, то ли строил планы на будущее.

Турки были так впечатлены этим зрелищем, что иначе как Кац-беем его и не называли.

В память о великих заслугах Кац-бея турки назвали это село Кацюбеевкой, что по-турецки звучит как Хаджибей.

Когда на эти земли пришли древние укры, они вернули великому селу его исконное название — Кацюбеевка, — забыв о родоначальнике этого поселения.

Но память о Каце живёт в веках.

Благодаря великому потомку Каца — историку и летописцу Зяме Ваню — в Израиле среди хасидов Каца-бея стали чрезвычайно популярны организованные туры и паломничество в Кацюбеевку, к могиле великого основателя и подвижника.

Число его могил и захоронений растёт с каждым годом по мере того, как увеличивается поток паломников.

Паломнический бум стимулировал массовое строительство в городе и импорт антидроновой защиты из Израиля.

Особой популярностью у хасидов пользуется пляж Аркадия, где Кац-бей любил купаться и загорать в свободное время.

Кстати, место, где он лежал или сидел, сохранилось в первозданном виде, взято под охрану закона и объявлено ЮНЕСКО памятником мировой культуры.

По крайней мере, так утверждают сами кацюбеевцы и паломники-хасиды.

Предисловие к Кацюбеевскому университету

Исходу евреев из Египта предшествовал конфликт еврейского бога с фараоном и 10 египетских казней.

Я не берусь утверждать, что во всём виноваты евреи, как сейчас думают многие. Но что-то общее с тем, что происходило тогда в древнем Египте и происходило потом у нас, всё-таки есть.

Взять к примеру Новороссийский университет, который потом превратился в Кацюбеевский (некоторые по ошибке называют его Кацюбеевский. Если бы Кац имел к этому какое-то отношение, было бы легче. Но этого нет и в помине.

А сама история, такова.

Сначала послал нам господь нечисть меченную. Потом исчезли водка и вино. Потом- всё остальное. Потом — ввели карточки.

Потом явилась пьянь конченная, а с ней налетела саранча, которая всё пожрала. После кровососы взялись народ изводить.

Дошло дело и до нашего университета.

Хроники Кацюбеевского университета

Путь от Новороссийского университета к Кацюбеевскому был не ближе и не менее тернист, чем от Одессы до легендарной Кацюбеевки. И, как знать, произошло бы когда-нибудь это великое преображение, если бы не подвижники?.. Главным у подвижников был Виктор Петрович Щётченко — человек основательный и не любивший фантазий. Каждую свою мысль он подтверждал документом. Так, на защиту своей кандидатской диссертации Щётченко приволок два мешка архивных папок. Один мешок остался внизу у вахтёрши, потому что сразу оба он поднять не смог. Но другой — аспирант всё-таки дотащил до защиты, хотя при этом изрядно кряхтел, потел и даже матерился сквозь зубы.

Диссертация называлась «Этногенетические корни населения Северного Причерноморья на материалах Кацюбеевского сельсовета». Эту работу Щётченко писал почти двадцать лет, так что в конце её однажды почувствовал себя графом Монте Кристо. Все эти годы он сидел в архивах и выписывал сведения о родном селе под Херсоном, где его семья благополучно пережила немецкую оккупацию.

Щётченко вообще считал своё село местом особенным. Во-первых, оно находилось недалеко от Крыма, где когда-то жили скифы. А поскольку скифы, по мнению Щётченко, были ариями, то и жители его села автоматически оказывались потомками ариев. Особенно семья самого Щётченко.

— Почву изучать надо! — говорил он на конференциях и стучал пальцем по папке, перевязанной бельевой верёвкой, — Почву!

Теорию Щётченко не любил.

— Теория — это когда человек отрывается от документа и начинает фантазировать, — поучал он молодых. — В высоких материях парить легко! По земле ходить сложно. Многие спотыкаются о факты. И даже спотыкаясь, разбивая носы и набивая шишки, они не хотят видеть очевидного!

— Спрашивается, зачем нужна теория, если и так совершенно очевидно из документов, что украинцы жили на этих землях ещё 600 лет назад?! — патетически вопрошал он и смотрел на аудиторию страшными, выпученными глазами. — От теории до фантазии — один шаг!

Сам Щётченко никогда не фантазировал. Ему и без фантазий всё было ясно. Например, в одной архивной бумаге упоминалось, что жители Кацюбеевки выращивали хлеб. Из этого документа Щётченко сразу делал вывод о существовании при хуторе большого морского порта.

— А куда, по-вашему, они девали столько зерна? — вопрошал он скептиков. — Естественно, отправляли в Константинополь.

Скептики деликатно возражали, говоря о том, что никаких следов порта в Кацюбеевке до сих пор не обнаружено. Но Щётченко это не смущало.

— Не всё сохраняется в документах! — грозно говорил он.

Спорить с ним было тяжело. Во время дискуссии его лицо делалось особенно свирепым и он медленно наступал на собеседника. Даже заслуженные профессора начинали нервничать.

В науку Щётченко шёл как крестоносец на Иерусалим. Однажды в споре о происхождении украинцев он назвал доцента Баума ж*дом. Баум прошёл войну в полковой разведке и не любил подобного тона. Он предложил Щётченко повторить сказанное. Щётченко повторять не стал и побежал через весь коридор так, что Баум догнал его только в туалете. Подвижник пытался закрыться, но не успел задвинуть щеколду. Баум распахнул дверь и влепил ему такую оплеуху, что новоиспечённый кандидат наук ударился головой о бачок.

После этого Щётченко начал странно разговаривать. Иногда вместо слов у него вырывался протяжный ослиный рёв. Особенно часто это с ним случалось в минуты волнения, когда речь заходила о почве. Однако его карьере это не помешало. Наоборот. Уже через несколько

лет после начала научной карьеры, Щётченко стал заведующим кафедрой истории Украины. Потом деканом.

Говорили, что его заметили наверху и там Щётченко понравился. Это была чистая правда.

Хотя сначала он стал объектом пристального внимания со стороны органов. Там были в растерянности и не знали, что с ним делать: отправить на психиатрическую экспертизу, посадить за хулиганство или продолжать наблюдение и ждать дальнейших указаний. Но тут с самого верху пришло высочайшее распоряжение: беречь и оказывать всяческое содействие!

Ему покровительствовал сам второй в городе и в области.

— Витя, ты себе не представляешь, какие перспективы перед тобой и перед всеми нами открываются! — говорил ему в своём кабинете этот второй. — Скоро, совсем скоро, придёт наше время. Но для этого нужно работать уже сейчас! Ты готов?

Витя в волнении вскочил.

— Я, все мы… — начал было он заикаясь.

— Сиди, — нетерпеливо, по-барски, махнул рукой «Второй». — Что готов — знаю. А справишься? Учти, кафедра — это только начало. Мы хотим дать тебе факультет. Твоя задача в том, чтобы готовить и продвигать национальные кадры. Понимаешь?

Витя кивнул.

— Справлюсь, — уверенно сказал он, сделав определённое усилие, чтобы вытолкнуть заветное слово.

Он был исполнительный, злопамятный и любил дисциплину. Кроме того, он умел ненавидеть с полной самоотдачей. В армии Щётченко не служил, но мог дать фору любому старшине. Первым делом он решил навести порядок на факультете. Повод подвернулся быстро.

Во время летней сессии студенты напились вина, надели солдатские шинели и маршировали ночью по коридору общежития.

— Это что за бордель?! — возмутился Щётченко, ударив по столу своим маленьким кулачком.

Общежитие исторического факультета до революции действительно было борделем. Почему именно там поселили будущих историков, никто не знал, а тех, кто догадывался, быстро отчисляли за неуспеваемость.

Щётченко лично явился на место происшествия.

— Я этот бордель прикрою! — прошипел он.

После слова «бордель» у него вырвался ослиный рёв. На следующий день Щётченко принёс ректору проект реформ. Греческий язык отменялся. Латынь и иностранные языки сокращались до минимума.

— Зачем сельскому учителю греческий? — спрашивал Щётченко

Возразить никто не смог. Кроме того, Щётченко предложил изменить саму формулировку диплома.

Раньше писали: «Историк. Преподаватель истории». Теперь же должно было быть: «Учитель истории. Историк».

— Мы готовим кадры для сельской школы! — объяснял Щётченко.

Особенно он не любил умных абитуриентов. Для борьбы с ними Виктор Петрович лично присутствовал на вступительных собеседованиях.

— Кем вы хотите стать? — спрашивал он.

— Археологом.

— Свободны.

— Почему?

— У нас идеологический факультет, а не бардак.

Что именно Щётченко понимал под бардаком, никто не знал. Но слово это он употреблял часто.

— Что читали об Иване Грозном?

— Ключевского. Соловьёва…

— Достаточно. Следующий.

После таких ответов абитуриенты обычно не поступали. Зато легко поступали люди практические.

— А как вы видите своё будущее лет через десять? — спрашивал Щётченко.

— Работающей на благо партии и государства, — пищала в ответ юная абитуриентка.

— Правильный ответ, — одобрительно говорил он. — А что это у вас, э… — спрашивал декан, вглядываясь в маленькое личико с огромным носом.

— Это у меня от бабки! — с готовностью отвечала смышлёная девица, — Она у меня была не то гречанка, не то армянка.

— А не…

— Нет! — решительно отвечала красавица.

Медалистам, против фамилий которых не стояло галочки в списке Ващенко, пятёрки ставить не рекомендовалось. Категорически. Преподавателям он объяснял это мягко и почти ласково: «Если галочки нет, то и не нужно ей там быть». Преподаватели кивали в знак согласия. Начальство же не могло на него нарадоваться. Сначала его опрофессорили, потом олауреатили, сделали членом национальной академии и вот уже выдвинули в академики.

Но тут Виктор Петрович вдруг взял и умер. Такого от него никто не ожидал. Начальство страшно расстроилось и начало искать ему замену. Никто и не подозревал, что в высшей степени ответственный Виктор Петрович предусмотрит даже такое трагическое событие. Вместо инструкции как надо он оставил завещание.

Своим преемником он назначил Вадика. Но это — уже совсем другая история.

По мере того, как Новороссийский университет превращался в Кацюбеевский, менялась и его среда.

Процесс этот напоминал превращение озера в болото, когда на смену рыбам приходят лягушки, жабы и змеи. Змеи, лягушки и жабы водятся в любом лесу. Но кроме них есть ещё много всякой фауны.

И если в Новороссийском были профессора, которые писали стихи не хуже, чем академические работы, то в Кацюбеевском эта традиция сошла на «нет».

На смену стихам пришли доклады.

Македонский

Уроженец болгарского села в Николаевскеой области, Лаврентий Никифорович чуть ли не с детства мечтал о широкомасштабных раскопках на Елисейских Полях. Но судьба распорядилась иначе, и довольствоваться ему пришлось берегами живописной когда-то речушки Бакалы.

Своё горе, как и полагается уважающему себя профессору от археологии, он заливал бренди местного разлива. Не французский коньяк, конечно, но всё же. По вечерам он собирал вокруг себя своих болгар, и экспедиция погружалась в тяжёлый археологический запой, словно раскапывали они не античный слой, а собственную печень. Пили обстоятельно, с научной основательностью, до первых петухов.

Часам к одиннадцати утра из палатки появлялся сам мэтр — опухший, сизоватый, с лицом человека, проигравшего внутреннюю гражданскую войну. Он молча усаживался в тени, требовал стакан ледяной воды, выкладывал перед собой сигареты и пластинку анальгина, после чего начиналось его ежедневное руководство археологическими раскопками. Лаврентий Никифорович курил, пил воду, глотал таблетки и смотрел на окружающих с выражением римского патриция, отравленного принятыми им на службу варварами.

Особенно хороша была его знаменитая армейская рубашка. Люди, никогда не служившие, питают к военной атрибутике почти мистическую слабость. В сочетании с очками и манерой щуриться, рубашка придавала ему сходство с провинциальным Берией — без масштаба, но с претензией. Студенты звали его просто — Станок.

Ночами из палатки профессора доносилось какое-то нервное рычание страсти. Но под утро он обычно выползал наружу ещё более раздражённым, словно семейная жизнь давалась ему как разновидность каторги. Его бесило всё. Даже аккуратно сложенные доски для настилов. Однажды он внезапно набросился на них с такой яростью, будто это были не доски, а идеологические противники. Лаврентий Никифорович швырял их в стороны, сопровождая каждый бросок звериным воплем.

На вопрос, что ему сделали доски, Лаврентий Никифорович с трагическим надрывом объяснил, что «карабаховцы специально притащили их сюда, чтобы действовать ему на нервы». В такие минуты казалось, что археологическая экспедиция проходит не в степи, а непосредственно внутри его воспалённого сознания.

Проверки к нему приезжали регулярно. Один из проверяющих как-то долго смотрел на профессора, после чего осторожно спросил:

— Вы пьёте?

— Нет, — с гордой ухмылкой ответил тот. — У меня молодая жена.

После этого оба захихикали с тем отвратительным самодовольством, которое почему-то считается признаком жизненного успеха. Карьера Станка развивалась столь же неотвратимо, как цирроз. Ещё при живом Кире великом, как величали студенты и коллеги бывшего завкафедрой Древнего мира, он уже осторожно, по-змеиному, вползал на кафедру истории древнего мира.

После смерти Кира кафедру возглавил Толик — человек настолько бесцветный, что временами его принимали за лаборанта. При Кире Великом он когда-то действительно начинал лаборантом и, по существу, им и остался. Только с новой табличкой на двери.

Лаврентий Никифорович быстро понял главный закон академической жизни: наверх поднимается не самый талантливый, а самый вязкий. Дальше всё пошло само собой. Кафедра. Деканат. Диссертационный совет. А вокруг — бесконечное производство серости в промышленных масштабах. Словно вся эта позднесоветская академическая машина существовала

исключительно для того, чтобы одни посредственности торжественно присуждали учёные степени другим посредственностям.

Без спиртного Станку не работалось. Вдохновение приходило к нему не как возлюбленная, а как приятель-собутыльник. Он заправлялся алкоголем как топливом. Спиртное запускало его воображение на полную мощность.

И вот уже родное болгарское село Лаврентия Никифоровича превращается в древнее поселение, основанное самим Александром Македонским по пути в Индию. Наводящие вопросы только ещё больше распаляли академика. Он не терялся даже от самых ядовитых замечаний.

— И что же забыл Александр Македонский в украинских степях?

— Заблудился, — спокойно отвечал академик, удивлённо поднимая брови, словно спрашивал: «Неужели вы сами не в состоянии понять таких простых вещей?»

Дальше — больше. Постепенно Лаврентий Никифорович перешёл к собственной родословной, и в конце концов выходило, что он является прямым потомком Александра Македонского.

— У меня давно собраны все доказательства. Первоисточники, артефакты всякие, — говорил он так буднично, словно речь шла о картошке.

— И где же они? — однажды не удержался я.

Академик, к тому времени уже изрядно заправившийся топливом для вдохновения, налил себе ещё. Выпил. И рассказал, что в похожей ситуации подарил все двадцать пять папок ценнейших материалов заезжему коллеге-академику.

— Мы с детства дружим, — пояснил Станок.

— Он тоже македонец?

— Нет, он из соседнего табора.

Распив последнюю бутылку, мы разошлись по палаткам. Вскоре вернулся мой сосед и принялся взахлёб рассказывать, как они с девками голышом купались в лимане при полной луне.

— Мы ведь тебя звали, а ты тут завис! — говорил он, глядя на меня как на человека, безнадёжно проигравшего жизнь.

Конечно, простые человеческие радости — это хорошо. Но, видимо, историческое призвание уже тогда брало надо мной верх. В конце концов, оставшись у костра, я узнал правду о прямом потомке Александра Македонского. Так я утешал себя. А академика после той истории мы называли не иначе как Македонским. Только немного иначе.

Вадик

Вадик был человеком болезненным и целеустремлённым. Казалось, что жизнь держится в нём исключительно на комсомольской дисциплине. Однажды во время сельхозработ будущему профессору и проректору достался самый трудный участок — сбор тыкв.

Работа была явно не для него. Но ведь он везде был первым. Скажем, нужны добровольцы в народную дружину, следить за порядком и охранять покой честных граждан от хулиганов — Вадик тут первый.

Или, к примеру, идёт запись в стройотряд. Он и тут первый. Правда, стройотрядовская униформа делала его похожим на огородное пугало, а повязка дружинника, в сочетании со впалыми щеками и синюшными губами могли вызвать у хулиганов разве что безудержный смех.

Но зато в оформлении стенгазеты или на комсомольских собраниях ему не было равных. Все знали: лучше Вадика никто не напишет обличительный пассаж и не выступит с речью.

Слова его не расходились с делом — он никогда не выбирал лёгких дорог. Вот и на тех сельхозработах, он выбрал самый трудный, хотя и самый оплачиваемый: сбор тыкв. Одна тыква попалась особенно большая и тщедушный Вадик, поднимая её, вдруг потерял сознание.

На следующий день Вадик посвятил происшествию заметку в стенгазете под броским заголовком: «ТРУДНОСТИ ЗАКАЛЯЮТ ХАРАКТЕР». На утро снова рвался собирать тыквы, но заботливые товарищи его не пустили.

Надо сказать, что Вадика всегда отличали удивительная скромность и необычайное трудолюбие. Начинал он свою карьеру как простой лаборант на кафедре Истории Украины и без отрыва от основной работы занимался комсомольской.

Чем именно Вадик занимался на кафедре истории Украины под чутким руководством Щётченко, до сих пор не установлено. Но работал Вадик много. За усердие и выдающиеся достижения был Вадик произведён сначала в старшие лаборанты, потом в ведущие, и, наконец, в главные.

Тут, как раз, преставились Виктор Петрович. На внеочередном заседании кафедры прочитали завещание покойного и выяснилось, что усопший завещал все свои мешки с документами своему любимому ученику и продолжателю — Вадику. Грустный, разбирая наследство, Вадик обнаружил в нём потенциал для 150 дипломных, 40 кандидатских и 10—20 докторских. По новому курсу, разумеется. Ибо в былые времена всё это считалось макулатурой. Теперь же, в отличие от денег, безудержно росло в цене, как на дрожжах.

Вскоре он представил свою диссертацию: «Кацюбеевка как основа украинской идентичности». Диссертация прошла на ура. Вадик стал кандидатом наук, заведующим кафедрой и взялся за докторскую. Докторская была посвящена экономическим связям Кацюбеевки с Византией. И снова головокружительный успех!

Новоиспечённый доктор и профессор стал проректором по научной работе и в этой должности пребывает до сих пор. Он облысел, раздобрел, но взгляд его подслеповатых глаз с фотографии на фоне карты Кацюбеевки, всё такой же честный и комсомольский. Совсем недавно национальный университет переименовали в Кацюбеевский, чему немало способствовал и Вадик. На церемонии открытия, Вадик буквально рыдал от полноты чувств.

Но всё это было только началом.

Триумфом украинской науки стал Юрась

Юрась

Жизнь Кацюбеевского университета оборвалась вместе с Юрасем. Это должно было произойти. Ведь если Щётченко с Вадиком и Лаврентием Никифоровичем были лишь предтечей великих перемен, то Юрась стал моментом их истины. И я вас умоляю, не спрашивайте меня, каких именно!

Слава Богу, я всего этого не застал. Жизнь прошла мимо. Жизнь, если вдуматься, вообще любит проходить мимо. Пройдёт, бывало, этак боком, шмыгнёт за угол или, как мышка в щёлочку — и нет её. Только пыль останется да чей-нибудь кашель за стеной. И слава Богу, что моя жизнь прошла мимо таких, как Юрась и Яся. Потому что жить с такими людьми в одной эпохе ещё можно, а вот в одном государстве — уже утомительно и даже местами опасно.

Теперь Юрась — академик. Настоящий. С портретом в районной газете, с двумя орденами, с речами о духовности народа и даже с лёгкой одышкой, которая всегда появляется у людей государственного масштаба.

Он почти не изменился. Разве что облысел сверху, а снизу, весь как будто распух вширь от научной деятельности. И только угри его остались прежними — крупными, багровыми, расположенными на лице с той основательностью, с какой помещики ставили амбары.

В студенческие годы Юрась сильно страдал.

— Мэни потрибна дивчына, — говорил он таким голосом, будто просил не женщину, а помилование.

Учился он в педагогическом институте, где будущих учителей выпускали в мир с лицами людей, заранее утомлённых собственной судьбой. На занятиях Юрась сидел неподвижно, тщательно записывал лекции и всё готовился, готовился. Но стоило преподавателю назвать его фамилию, как с ним происходило странное оцепенение.

Юрась вставал. Краснел. Тужился. И после продолжительной внутренней борьбы произносил:

— Ыыы…

— Вот, молодец, Юрик! — пыталась подбодрить его иная преподавательница, — Ну же, давай, Юрась!

Юрась напрягался из последних сил, но снова выдавливал из себя только «ы-ы», после чего без сил падал на стул.

Но парень он был хороший, его все любили, а потому — дали диплом.

После института он уехал в село преподавать историю детям, которые и без него знали, что никакой пользы от истории в хозяйстве нет. Жил Юрась одиноко. Вечерами пил самогон, читал книги и всё думал о своей невостребованности. И вот однажды, во время особенно продолжительного размышления, ему явился Христос. Так, во всяком случае, он представился. Явился просто, без всякого величия — в старом пиджаке, сел напротив Юрася, вздохнул и сказал:

— Всё перепутали потом.

— Что именно? — оробел Юрась.

— Галилею с Галицией.

После этих слов оба выпили. Христос пил спокойно, без суеты, как человек, которому уже давно нечего доказывать миру. Юрась же после этого случая начал пить с совершенно новым чувством. Раньше он пил от одиночества, а теперь — от исторической ответственности. И вскоре открылось ему ещё большее. Оказалось, что они с Христом не просто одной крови и духа, а вообще из одного села.

— Как же, как же! — оживился Христос. — Я и папиньку вашего знавал.

— А я нет… — тихо ответил Юрась и загрустил.

Тут оба ещё выпили, и видение исчезло. Но Юрась уже не был прежним человеком. Всю ночь он писал диссертацию. Писал с таким жаром, что чернила у него высыхали прямо на пере. Несколько раз Юрась плакал. Один раз даже вскрикнул:

— Вот она, истина!

Под утро работа была закончена. Называлась она: «Христос был украинцем, или К вопросу об искажении исторической географии». Повязав галстук поверх вышиванки, Юрась отправился в столицу — в Академию наук.

Дорога была длинная, и для поддержания бодрости духа он время от времени прикладывался к бутылке, завёрнутой в газету. Уже на ступенях академии он выпил для храбрости ещё раз, потому что был человеком крайне застенчивым.

В академии сначала смеялись. Потом задумались. Потом пригласили ещё двух академиков. После чего единогласно постановили, что перед ними — смелый исследователь нового типа. Сначала его одиссертасили, потом одокторатили и, наконец, олауреатили. А потом и вовсе — произвели в академики и причислили к лику подвижников.

Монографии же подвижника издали гигантским тиражом. Юрася стали приглашать на конференции, банкеты и круглые столы. Он выступал с докладами, в которых всё объяснял заново: от происхождения христианства до основания Одессы. Особенно его полюбили женщины. И прежде всего Яся — женщина большая, тяжёлая, как комод красного дерева, заведовавшая районным загсом. Она смотрела на Юрася взглядом, в котором уже содержались и брак, и совместное имущество, и лёгкая взаимная ненависть до конца дней.

Юрась женился. Тут бы истории и закончиться. Но именно с этого момента всё пошло вразнос. Юрась постепенно уверовал в собственное величие. Самогон он теперь пил прямо у себя в просторном кабинете, среди бюстов мыслителей национального масштаба и шкафов с научными журналами. А писал всё больше. Сначала осторожно. Потом смелее. Потом уже совершенно безудержно.

Так Одесса у него поменялась местами с Коцюбеевкой, Иерусалим оказался где-то между Житомиром и Уманью, а Гитлер, согласно Юрасю, после войны жил в Виннице под фамилией Гитлиренко и работал завхозом в художественной галерее.

Коллеги встревожились. Пригласили врача. Врач был стар, печален и смотрел на людей так, будто заранее извинялся за существование медицины.

— Скажите, — осторожно спросил эскулап, — откуда вам известно про Гитлера?

Юрась посмотрел на него с жалостью.

— Доктор… вы странный человек. Он сам мне всё рассказал.

— Гитлер?

— Ну не Геббельс же.

— И где именно рассказал?

Юрась обвёл рукой кабинет.

— Здесь. Все были. И Борман. И Мюллер. И Штирлиц.

После этого Юрася поместили в клинику. Там он находится и по сей день. Пишет, размышляет, даёт интервью.

Недавно к нему приезжали журналисты из CNN. Говорят, академик собирается участвовать в выборах. И хотя он ещё не решил, куда будет избираться: в президенты страны, в академию или в анналы истории, у него есть все шансы. Если вдуматься.

Идеальный актив

Эпоха эффективных менеджеров буквально протаранила уютный мир кафедры истории Древнего мира и археологии. Долгие десятилетия эта комната и примыкавшая к ней кладовка, превращённая в лабораторию, были оазисом чудаков и маргиналов, одержимых древними языками, археологическими экспедициями и заумными книгами. Они жили в своём мире, считались людьми странными, но безобидными, и потому никому особенно не мешали.

Карьеру делали на других кафедрах — истории КПСС, научного коммунизма или столь же научного атеизма. В крайнем случае — на кафедре истории СССР. У них были собственные лаборатории, библиотеки и читальные залы. Возглавляли их заслуженные люди — бывшие военные, партийные функционеры, крупные чиновники. Их покровительство открывало дорогу к диссертации, должности и карьере.

Но думалось лучше всего именно у Кира Великого, как его любя прозвали коллеги и ученики — человека, писавшего не только научные труды, но и прекрасные стихи.

Впрочем, научной школы он не создал. Для этого Кирилл Владимирович был слишком занят жизнью. Он страстно, как истинный поэт, влюблялся, женился, разводился, и каждый развод превращался в драму, достойную сцены театра драмы и комедии.

Влюблялся он обычно в археологических экспедициях, которые, по его собственному выражению, неизменно сопровождались обильными возлияниями.

Люди дела, особенно будущие менеджеры, часто пеняли ему: слишком много пьёт, слишком часто женится и слишком мало занимается собственно наукой.

Но Кирилл Владимирович плевать хотел на их мнение. Любовь была для него тем факелом, от которого вспыхивало огнём его творчество, когда он и создал свои лучшие стихотворные произведения.

Научной школы он хоть и не создал, зато рядом с ним удивительно хорошо думалось, чувствовалось и работалось. Как лампа в ночи притягивает мотыльков, так и Кир притягивал людей творческих или просто ищущих.

Особенно любили его студенты.

— Можете принести на экзамен хоть всю энциклопедию, — говорил он перед экзаменами. — Читайте, ищите. Мне важно не то, что вы запомнили, а то, что сумели понять.

На семинарах он устраивал настоящую студенческую вольницу.

— Представьте, что вы ничего не знаете об этой эпохе. И вот вам попадает в руки короткий документ. Давайте попробуем понять, каким был мир людей, которые его написали. Чем они жили? Чего боялись? О чём мечтали?

Иногда он мог два часа обсуждать со студентами одну-единственную картину: почему художник выбрал именно эти краски, именно такую композицию, именно этот свет. Он умел любое занятие превратить в праздник мысли.

Потом это время стало легендой. Вспоминали, как к Киру приходили коллеги, чтобы упражняться в остроумии, вставляя в русские слова латинские суффиксы, окончания, а иногда и целые корни.

Перемены начались после назначения деканом Щеётченко, который лично отбирал абитуриентов.

Студенты щётченского помёта растерянно смотрели на древние документы и с откровенным раздражением — на литографии с произведениями искусства.

Им не хотелось ни анализировать, ни понимать.

Они вообще пришли совсем за другим — за дипломом, который позволит им в будущем стать директорами школ, музеев, выставок и, если повезёт, то попасть в районную администрацию.

Кир почувствовал эту перемену. Его коллеги, тоже.

— По-новому нужно жить, по-новому! — всё чаще повторял на учёных советах новый проректор по учебной работе.

Всегда остроумный и язвительный Кир во время этих выступлений угрюмо молчал.

«Почему у вас на кафедре всё по старому?» — однажды обратился к нему проректор на заседании учёного совета

«Мне поздно начинать жить по-новому», — коротко, как отрезал, ответил Кир.

Новый проректор заткнулся, но все понимали, что этим дело не кончится.

«Видимо, пришло моё время», — однажды сказал Кир коллегам и последователям. Была в нём театральность, которой он не скрывал. Наоборот, в самые драматические минуты он становился артистом, произнося короткие монологи и держа многозначительные паузы. Так было и в этот раз. Сказав это, Кир выдержал долгую паузу и внимательно посмотрел на присутствующих, будто в зрительный зал.

— А ведь на этот раз, драма обещает стать вполне реальной, — вдруг сказал он.

Все понимали: прежняя жизнь заканчивается. Но надеялись, что это случится не сегодня. Через год. Через два. А может быть, через пять — они успеют ещё дожить своё время.

Не успели.

Через две недели Кира вызвали в ректорат и, сославшись на жалобы студентов, новые директивы министерства и ещё бог знает на что, предложили написать заявление по собственному желанию.

— То есть вы предлагаете мне отыметь самого себя? Я правильно понял? — спросил Кир, глядя на ректора и проректора с ледяным презрением.

Ректор попытался изобразить оскорблённую интеллигентность и театрально всплеснул руками, но получилось неубедительно.

— От вас, Кирилл Владимирович, мы такого не ожидали!

— А чего вы ожидали? Что я облегчу вам жизнь? Нет уж, увольте.

Он поднялся и направился к двери.

— Вам непременно нужен скандал? — бросил вслед проректор.

Кир обернулся.

— Futue te ipsum!

После его ухода начальство долго пыталось перевести брошенную на латыни фразу. А может быть, оно сразу перешло к обсуждению, как поскорее избавиться от «старого пердуна», как они называли его между собой. Этого уже никто не узнает.

Ночью Киру стало плохо. Жена вызвала скорую. Его увезли в реанимацию, где он умер, не приходя в сознание.

На похоронах говорили много. В основном — о научной школе, которую он не создал, и о людях, которых он воспитал. Эти два утверждения почему-то никому не казались противоречивыми.

Со смертью Кира началась эпоха эффективных менеджеров.

Первым делом новые хозяева жизни почему-то взялись именно за кафедру Кира. Её разделили на три самостоятельные: археологии, этнографии и истории Древнего мира.

Вскоре выяснилось, что кафедра — это вовсе не научная школа, не ученики и не традиция. Это ресурс. Университет — тоже ресурс, только более крупный. А ресурсами положено управлять, перераспределять их, оптимизировать и эффективно осваивать. Люди в этой системе имели ценность лишь постольку, поскольку не мешали движению ресурсов или способствовали ему.

После смерти Кир и сам превратился в ресурс, причём весьма ценный. У него неожиданно обнаружилось множество учеников, духовных наследников и ближайших соратников.

Они учреждали диссертационные советы, открывали фонды, налаживали международное сотрудничество, выигрывали гранты и при каждом удобном случае ссылались на его имя.

Имя Кира сверкало на конференциях, искрилось на симпозиумах, расцветало в отчётах об обмене опытом и особенно пышно звучало на юбилейных заседаниях. К счастью, памятных дат оказалось почти столько же, сколько дней в календаре.

Особенно преуспел в этом Лаврентий Никифорович, по прозвищу Станок

Каждое своё выступление он неизменно начинал словами:

— Мы с Кириллом Владимировичем…

Однажды, когда Станок в очередной раз принялся вспоминать, как они «с Кириллом Владимировичем», Саша — один из самых близких друзей Кира, не выдержал:

— Мы с Кириллом Владимировичем на одном гектаре и срать не садились! = Закончил он фразу вместо Станка.

Слова Саши прозвучали как выстрел. В аудитории повисла тяжёлая тишина.

На следующий день Сашу без лишних объяснений отправили в Горловскую экспедицию на неопределённый срок.

— Это ваших рук дело? — прямо спросил он Лаврентия Никифоровича.

— Моих, — невозмутимо ответил тот.

— Почему же вы хотя бы не предупредили меня?

— А я не обязан, — надменно заявил Станок.

Саша некоторое время молча смотрел на него.

— Знаете, когда после университета меня призвали в армию, военком области, не какой-то там профессор, а целый генерал-майор, пригласил меня к себе и спросил, нет ли у меня причин для отсрочки. Хотя вполне мог этого не делать. Думаете, если вы надели офицерскую рубашку, то теперь выше генерала?

Станок побагровел. Военная форма была его давней слабостью, несмотря на то что сам он никогда не служил. На раскопках он неизменно щеголял в офицерской рубашке, заправленной в спортивные штаны.

Это был удар точно в цель. о Станком сделалась истерика и до поздней ночи он в тот день пил гораздо больше обычного.

С тех пор Станок на раскопках больше не появлялся. Офицерскую рубашку он сменил на дорогие костюмы и галстуки, а полевые экспедиции — на бесконечные перелёты между Москвой, Парижем и Нью-Йорком. Теперь он не раскапывал древности, а подписывал соглашения, учреждал фонды, создавал диссертационные советы, открывал международные программы и бесконечно обменивался опытом.

Чем меньше он занимался археологией, тем быстрее росла его репутация выдающегося археолога.

Звания, ордена и премии сыпались на него одно за другим. В конце концов он искренне уверовал, что академическое звание выше генеральского, а собственная карьера является лучшим доказательством мужества и служения отечественной науке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.